

К. Г. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ ЧЛЕНЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При синтаксических исследованиях среди других проблем все большее внимание начинает привлекать одно явление. Оно наблюдается во многих языках, но тем не менее не получило еще общего признания как явление грамматического порядка и не имеет общепринятого названия. Давно замечено, что одни и те же члены предложения в зависимости от задания высказывания могут иметь различный смысловой вес. Они могут обозначать или исходный пункт сообщения, или то, что сообщается. Эти значения членов предложения выражаются прежде всего интонационными средствами. Они могут выражаться также при помощи порядка слов.

Обнаруживая возможность различного смыслового веса одних и тех же членов предложения, лингвисты в большинстве случаев ограничиваются более или менее последовательной констатацией фактов. Что же касается объяснения данного явления, то обычно исследователи прибегают к логико-психологической интерпретации его: член предложения, заключающий в себе то, о чем делается сообщение, называют логическим (или психологическим, или смысловым) субъектом, а член предложения, содержащий основное в сообщении, — логическим (или психологическим, или смысловым) предикатом.

Такая трактовка смыслового веса членов предложения представляется нам неприемлемой. Прежде всего самые понятия «субъект» и «предикат» и их соотношение с членами предложения получают различное толкование у разных авторов. Издавна и до сих пор по этому вопросу существуют два мнения. Одни, считая, что члены суждения совпадают с главными членами предложения, определяют субъект как выражение субстанции, предмета, — предикат как выражение признака, приписываемого предмету. Такого взгляда придерживаются Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, А. Марти, Б. Эрдманн¹ и многие другие. Из советских логиков к этому взгляду склоняется П. В. Таванец². Другие понимают субъект суждения как то, о чем говорится, предикат — как то, что говорится о субъекте. С этой точки зрения члены суждения и члены предложения независимы друг от друга, а субъектом и предикатом может быть любой член предложения.

¹ См.: Ф. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1881; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941; A. Marty, Über die Scheidung von grammatischem, logischem und psychologischem Subjekt resp. Prädicat, «Archiv für systematische Philosophie», Bd. III, Heft 2, Berlin, 1897 [А. Марти, помимо понимаемых таким образом логических S и P, выделяет еще и психологические S и P (то, о чем сообщается, и то, что сообщается)]; В. Erdmann, Logik, 2-е voll. umgearb. Aufl., Halle, 1907.

² См. П. В. Таванец, Суждение и его виды, М., 1953. (Несовпадение субъекта и предиката с подлежащим и сказуемым автор усматривает по существу только в возможности выражения первых целыми группами подлежащего и сказуемого.).

Такое толкование субъекта и предиката суждения и их соотношения с членами предложения находим — в разных вариантах — у Г. Габеленца, Г. Пауля, Ф. Ф. Фортунатова¹ и многих других. Представители этого взгляда обычно оперируют названием «психологический субъект и предикат», причем некоторые из них, наряду с психологическими S и P, различают и логические S и P, совпадающие с грамматическими (например, Г. Габеленц).

Сходного взгляда на субъект и предикат суждения придерживаются и многие советские логики. Сошлемся хотя бы на определение П. С. Попова: «Части суждения определяются логикой самым простым и неукоснительным образом. Логический субъект — это то, о чем идет речь. То же, что говорится о предмете речи, есть логическое сказуемое»². Из такого понимания субъекта и предиката обычно и исходят лингвисты, обозначая этими терминами различный смысловой вес членов предложения.

При всем различии обе эти точки зрения приводят к одному результату в отношении интересующего нас здесь явления: оно так или иначе исключается из сферы грамматики. В лучшем случае представители первого взгляда относят изучение смыслового веса членов предложения к стилистике. Вторая точка зрения переносит рассмотрение данного явления в область логики. Логики же обычно интересуются только членами суждения; члены предложения существуют для них лишь как способы выражения субъекта и предиката.

Неудовлетворительность объяснения смыслового веса членов предложения как выражения субъекта и предиката суждения становится очевидной при первых же попытках систематического изучения всего круга явлений, связанных с данным вопросом. То, что рассматриваемое явление представляет собой языковую категорию, в той или иной степени уже начали признавать в лингвистике. Некоторые исследователи ставят вопрос о смысловом членении предложения и о необходимости его изучения в языкознании. Например, чешский лингвист В. Матезиус считает, что наряду с грамматическим членением предложения, т. е. выделением прежде всего подлежащего и сказуемого, необходимо учитывать его «актуальное членение». С этой точки зрения следует выделять «исходный пункт» (или «основу») высказывания (т. е. то, из чего говорящий исходит в сообщении) и «ядро» высказывания (т. е. то, что сообщается). В. Матезиус отказывается от логико-психологической трактовки данного явления, считая неудачными термины «психологический субъект» и «психологический предикат». Он придает большое значение изучению порядка слов и интонационных средств языка, в которых актуальное членение предложения находит свое выражение, и анализирует с этой точки зрения различные формы порядка слов в чешском языке³.

¹ См.: G. v. Gabelentz, Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, Leipzig, 1891; H. Paul, Deutsche Grammatik, Bd. III, Halle, 1954; Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, РГБ, т. XLIII, № 1 и 2, 1905; его же, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1899—1900 году [литограф. изд.].

² П. С. Попов, Суждение и предложение, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 26. Это мнение разделяют также М. Н. Алексеев (см. «Суждение и предложение», Канд. дисс., М., 1950), Г. В. Колманский [см. «Суждение и предложение в свете сталинского учения о единстве языка и мышления (на материале немецкого языка)», Канд. дисс., М., 1951] и др.

³ См.: V. Mathesius, O tak zvaném aktuálním členění větěném, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», Praha, 1947; его же, Rozpor mezi aktuálním členěním souvětí a jeho organickou stavbou (там же); его же, Základní funkce českého pořádku slov (там же). Актуальное членение освещается и в книге В. Шмидлера в главе о порядке слов (V. Šmilauer, Novočeská skladba, Praha, 1947, стр. 327—352). Ср. об этой теории: О. Лешка, К вопросу о структурализме, ВЯ. 1953, № 5, стр. 97—98.

Своеобразную концепцию предлагает немецкий лингвист К. Боост¹. Исследуя процесс образования предложений и соотношения в нем представлений и понятий, К. Боост считает основой этого процесса «принцип напряжения» (das Prinzip der Spannung). Его проявление Боост видит в раздвоении предложения на «содержащую вопрос тему», иначе говоря, член предложения, которым начинается напряжение, и на «содержащую ответ рему», т. е. остальную часть предложения, содержащую собственно высказывание². Это смысловое членение на «тему» и «рему» (die Thema-Rhema-Gliederung) противостоит, согласно его концепции, грамматическому членению предложения, вступая с ним в противоречие (ср. сходные мысли В. Матезиуса). «Темой» могут быть не только подлежащее, но и другие члены предложения, «рему» же образует сказуемое в сочетании с различными другими членами предложения, за исключением того, который выступает как «тема». С точки зрения смысловой структуры предложения грамматические категории, по мнению Бооста, почти целиком теряют свое значение; для смысловой структуры важны другие категории, которые должно выявить дальнейшее исследование.

Концепции В. Матезиуса и К. Бооста представляют большой интерес уже тем, что оба лингвиста рассматривают данную проблему в языковом аспекте, исходя непосредственно из коммуникативной функции предложения как единицы сообщения. При этом учитывается роль слушающего и подвергаются анализу языковые средства смыслового членения предложения, в отношении которых делается ряд интересных и верных наблюдений. Общим для них является подход к этому вопросу с точки зрения смыслового членения предложения (хотя они и называют его по-разному).

Несколько иначе, но тоже в языковом плане трактует это явление В. Г. Адмони³. Различный смысловой вес членов предложения он объясняет как выражение «познавательной установки говорящего», которая и обуславливает различное построение предложения в отношении интонации и порядка слов. «Нормальное» строение предложения, по В. Г. Адмони, имеет место в том случае, когда подлежащее является исходным в предложении; такие предложения характеризуются прямым порядком слов. Случаи же, когда исходным выступает не подлежащее, а другой член предложения, рассматриваются как отклонения от «нормального» построения, что выражается особой интонацией и обратным порядком слов. При этом В. Г. Адмони пользуется терминами «логический субъект» и «логический предикат».

В исследовании автора настоящей статьи о порядке слов в немецком языке сделана попытка определить смысловую нагрузку членов предложения как языковое явление и выяснить место этого явления в системе языка⁴. Ряд соображений и наблюдений, высказанных в этой статье, имеет много общего с мыслями В. Матезиуса, К. Бооста и В. Г. Адмони. Однако имеются и существенные расхождения, основное из которых заключается в следующем. И В. Матезиус и К. Боост противопоставляют смысловое членение («актуальное» — у первого, членение на «тему»-«рему» — у

¹ Karl Boost, *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes*, Berlin, 1955.

² Ср. также разграничение «темы» и «повода» у Ш. Балли («Общая лингвистика и вопросы французского языка», перевод с франц., М., 1955, стр. 62, 114—115 и др.).

³ См. В. Г. Адмони, *Введение в синтаксис современного немецкого языка*, М., 1955, стр. 226—238.

⁴ См. К. Г. Крушельницкая, *Смысловая функция порядка слов в немецком языке (сравнительно с русским)*, «Ученые записки Военного ин-та иностр. языков», [вып.] 5, 1948.

второго) грамматическому членению, усматривая противоречие между ними и относит их к различным областям (ср. у К. Бооста: «die grammatische Ebene» und «die Sinn-Ebene»), причем соотношение между этими областями не вскрывается указанными авторами¹. Таким образом, смысловое членение оказывается все же за пределами грамматики, и неясным остается, к какой области языка оно относится. Что касается В. Г. Адмони, то у него противоречие между грамматическим и смысловым вырастает в «расхождение между реальной, логической последовательностью вещей и явлений в объективной действительности и познавательной установкой»².

Мы же придерживаемся взгляда, что рассматриваемое здесь явление и по своей сущности, и по языковому выражению органически входит в синтаксис языка. Основанием для такого понимания смыслового веса членов предложения служит ряд фактов, к изложению которых (на материале русского и немецкого языков) мы и переходим.

Смысловый вес членов предложения определяется в каждом конкретном предложении его коммуникативным заданием. Коммуникативное задание (т. е. различение того, о чем делается сообщение, и того, что сообщается) обусловлено конкретной обстановкой данного акта общения, в первую очередь тем, насколько осведомлен слушающий о предметах и явлениях, о которых идет речь в предложении. Предметом сообщения, его исходным пунктом является обычно нечто известное для слушающего — «данное»; об этом известном сообщается нечто неизвестное — «новое». В сочетании известного и неизвестного и заключается самая основа коммуникации, которая наиболее отчетливо — в своем, так сказать, чистом виде — выступает в таких функционально-стилевых видах речи, как разговор, деловая проза³. Что касается художественного стиля, то здесь выражение коммуникативного задания может осложняться в той или иной степени различными моментами (специфическим характером общения, индивидуальным стилем автора и пр.).

Необходимо сделать оговорку, что известность понимается в данном случае как самое общее отношение. Ее источник, характер, степень не имеют принципиального значения для коммуникативного задания. Известность может быть не прямой, а косвенной, когда, например, известность частей предмета или явления обусловлена известностью целого («ситуативная» известность). С другой стороны, известность предмета не исключает того, что обозначающий его член предложения может выступать как «новое». Сообщаемым в таких случаях оказывается какая-то неизвестная слушающему связь с другими известными предметами (например, *Нужные вам сведения вы найдете в этой книге*).

Значения данного и нового, которые получают члены предложения в процессе речи в зависимости от коммуникативного задания, не снимают основных значений членов предложения, выражаемых соответствующими грамматическими формами. Значения данного и нового накладываются на грамматические значения членов предложения, являются обязательной

¹ В. Матезиус подчеркивает, что выяснение этого соотношения — задача дальнейшего исследования и что именно это соотношение важно для характеристики конкретных языков (см. В. Матезиус, указ. соч., стр. 242).

² См. В. Г. Адмони, указ. соч., стр. 230.

³ Это относится в первую очередь к повествовательным предложениям, поскольку именно они «сообщают». Что же касается предложений вопросительных и побудительных, то в них эта основа соответственным образом преобразуется. Но это уже особая тема.

нагрузкой последних в каждом конкретном акте коммуникации. Каждый член предложения, как показывают наблюдения, может выступать и как данное, и как новое. При этом, однако, существует определенная взаимосвязь между грамматическим значением члена предложения и его коммуникативной нагрузкой. Так, например, подлежащее преимущественно является данным в предложении. Дополнение почти одинаково часто выступает и как данное, и как новое; то же можно сказать об обстоятельствах места, времени, причины, цели. Такие же члены предложения, как обстоятельство образа действия и сказуемое, несут преимущественно нагрузку нового. Нагрузка определения тесно связана с тем, какой смысловой вес имеет определяемое слово.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что возможность другой нагрузки для каждого члена предложения не ограничивается редкими случаями особой экспрессивности, а представляет собой закономерное явление в определенных типах предложений, характерных для тех или иных стилей речи. Сказуемое, например, не так уж редко выступает как данное, а подлежащее еще чаще — как новое.

Итак, члены предложения в каждом конкретном высказывании представляют собой единство двух з н а ч е н и й: синтаксического значения и «коммуникативной нагрузки» — как «данного» или как «нового».

В зависимости от коммуникативной нагрузки своих членов предложение по-разному членится на части: в них попадают разные члены предложения. Но это все же члены предложения с их основными грамматическими значениями. И поэтому вряд ли есть основания противопоставлять грамматическое членение (по членам предложения) смысловому членению, как делают, например, В. Матезиус и К. Боост.

Кроме того, нужно отметить, что самое «членение» в работах названных авторов остается неуточненным. Если понимать его как членение предложения на определенные отрезки, то речь может идти только о синтагматическом членении, которое, конечно, потенциально присутствует в любом предложении. Однако предложение далеко не всегда делится только на две части, как считают В. Матезиус и К. Боост. Если же под термином «членение» подразумевается выделение «основы» и «ядра» (или «темы» и «ремы») при анализе предложения (теоретическом или учебном), то применение этого термина в его непосредственном значении должно ограничиться только случаями, в которых можно провести четкую границу между обеими частями высказывания. А это имеет место, как правило, в простых пераспространенных или «мало распространенных» предложениях. Действительно, и В. Матезиус, и К. Боост оперируют главным образом подобными предложениями, противопоставляя выделяемые ими смысловые части г л а в н ы м членам предложения¹. В предложениях же с обилием второстепенных членов обе части высказывания часто переплетаются друг с другом и интонационно, и в отношении порядка слов, что затрудняет непосредственное «членение» таких предложений.

Анализ предложения с точки зрения коммуникативной нагрузки его членов способствует тому, что в плане смыслового членения могут изучаться предложения различных типов. Нужно при этом иметь в виду, что и в распространенных предложениях, тем более в сложных, само коммуникативное задание может быть усложнено. И данным, и новым в них может быть не один член предложения, а два и больше. В таких случаях мож-

¹ См. также В. Т. Колом е ц ь, Порядок слів у чеськ прозі першої половини ХІХ ст., сб. «Вопросы славянского языкознания», кн. 3, Львов—Харьков. 1953.

по выделить «состав данного» и «состав нового», в которые могут попадать различные комбинации членов предложения. В особо развернутых предложениях и тот и другой состав обычно имеет свой центр. В составе данного один из членов предложения является непосредственным исходным пунктом сообщения, он и выносится обычно на первое место. Остальные члены либо обозначают уже известные предметы, о которых речь идет на протяжении более или менее длительного повествования (часто это местоимения или имена собственные), либо указывают на предметы, тесно связанные с исходным пунктом сообщения. В составе нового один член предложения заключает в себе самое главное в сообщении (он и несет основное ударение). Другие члены могут либо непосредственно примыкать к нему, либо заключать в себе относительно самостоятельные, дополнительные элементы сообщения.

Оба центра, противостоящие друг другу, отчетливо выделяются средствами языка, в первую очередь средствами интонационного членения: они обязательно образуют самостоятельные синтагмы. Что же касается разграничения всего состава данного от всего состава нового, то его не всегда можно четко провести, особенно в стилистически осложненных предложениях с обилием второстепенных членов и обособленных оборотов. И хотя коммуникативное задание в таких предложениях, даже в письменной речи, в основном выражено достаточно ясно, их понимание, а следовательно, и членение на синтагмы, в деталях может варьироваться.

Примером может служить следующий отрывок (курсивом в нем отмечены центры состава данного и состава нового, вертикальной чертой — возможные границы между составами): *«За ночь/ мы все хорошо отдохнули и на завтра/ продолжали наш путь вниз по реке Полю. От затяжных дождей/ вода стояла в ней/ высокая, и это принуждало нас/ все время держаться левого края долины. Опять пришлось карабкаться через многочисленные непропуски. Большими препятствиями для передвижений/ являлись грузы, которые мы несли на себе, и заросли багульника, вытеснившие другие кустарники»* (Арсеньев, Сквозь тайгу). Причастный оборот в последнем предложении содержит дополнительное сообщение. В предпоследнем же предложении нет данного, оно опущено, так как понятно, кому именно (нам) пришлось карабкаться.

Предложения, содержащие только новое, встречаются довольно часто в повествовании. Данное в таких случаях обычно ясно из предыдущего. Но возможен и другой вид предложений, содержащих только новое. Это — предложения, начинающие повествование, вводящие то, о чем будет идти речь. Предложения без данного можно было бы назвать «одноставными», хотя они могут быть и очень развернутыми¹. Ср. *Жил-был мальчик/ Была суровая зима/ «Служил на Кавказе офицером один барин»* (Л. Толстой, Кавказский пленник).

Коммуникативная нагрузка членов предложения обязательно и последовательно выражается особыми грамматическими — в широком смысле слова — средствами, весьма специфическими по своему характеру.

Среди этих средств и в русском, и в немецком языке первое место занимает интонация. Как показывают наблюдения и экспериментальные исследования, вся сложная система интонационных средств (фразовое ударение, повышение и понижение тона, паузы) служит прежде всего и главным образом выражению коммуникативной нагрузки членов предложения. В основе синтагматического членения предложения лежат

¹ Ср. у Л. В. Щербы одночленные и двучленные фразы (Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, Л.- М., 1937, стр. 117—118).

различные смысловые комбинации его членов, обусловленные коммуникативным заданием высказывания¹. Правда, изучение интонации, в том числе синтагматического членения, еще только начинает разворачиваться по-настоящему. Но уже то, что имеется в данной области, дает право сделать вывод об этой основной функции интонации.

Однако интонация проявляется непосредственно только в устной речи. В письменной речи она присутствует потенциально, обнаруживаясь при помощи других, собственно грамматических средств. Так, в русском языке, а также в других славянских языках² одним из таких важнейших средств является порядок слов. В русском предложении слова располагаются, как правило, именно в зависимости от их коммуникативной нагрузки. В обычной обиходной или деловой речи на первом месте стоят члены предложения, выступающие как данное; за ними следуют члены предложения, содержащие новое. Иногда говорят, что в контексте порядок слов служит прежде всего средством выражения связи с предыдущим. Но это неточно. Связь с предыдущим — не самоцель, а только следствие, внешнее проявление того, что каждое предложение имеет свое коммуникативное задание, которое, естественно, может быть обусловлено предыдущим контекстом.

Новое предшествующего предложения часто выступает как данное в последующем. Например, это наблюдается в следующем отрывке: «За садом находился у них большой лес, который был совершенно пощажен предприимчивым приказчиком, может быть оттого, что стук топора доходил бы до самых ушей Пульхерии Ивановны. Он был глух, запущен, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лапы голубей. В этом лесу обитали дикие коты. Лесных диких котов не должно смешивать с теми удалцами, которые бегают по крышам домов» (Гоголь, Старосветские помещики).

Имеются и более специальные средства выражения коммуникативной нагрузки. Функцию выделения нового и тем самым противопоставления его данному в русском языке выполняют так называемые усилительные слова или частицы, как, например: *даже, и, именно, это* и др. Ср.: *Он даже об этом не знал* (если известно, что он не знал многого другого); *Даже он об этом не знал* (если об этом не знали другие, а о нем известно, что он должен был бы об этом знать); *Он об этом даже не знал* (если известно, что он должен был что-то сделать).

В употреблении усилительных слов наблюдается определенная закономерность. Они появляются главным образом при местоимениях (или существительных с местоимениями), т. е. при той категории слов, которые преимущественно, в силу своего значения, выступают как данное. На последнее же место в предложении местоимения, даже если они являются новым, выносятся чрезвычайно редко.

В немецком языке коммуникативная нагрузка также может выражаться при помощи порядка слов, путем вынесения нового на последнее место или по крайней мере ближе к концу предложения. Однако наличие некоторых твердо фиксированных норм словорасположения для сказуемого — в том числе так называемой «рамочной конструкции» — в значительной степени ограничивает эту функцию порядка слов. Так, например, в силу правил рамочной конструкции последнее место оказывается

¹ См. по этому вопросу: В. В. Виноградов, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950. См. также статьи в «Трудах Военного ин-та иностр. языков» (1953, №№ 3—4).

² См., например, указанные работы В. Матезиуса, а также указанную статью В. Т. Коломиец.

занятым вторым компонентом сказуемого, даже если не сказуемое, а другой член предложения содержит новое¹.

Ср. следующие примеры: «Ab ersten Oktober war das eiserne Öfchen geheizt» (Seghers, Das siebte Kreuz) «С первого октября железная печурка топила»; «Sie hatte den Mann durch Zufall kennengelernt» (там же) «Она познакомилась с этим человеком случайно».

В немецком языке другим широко употребительным грамматическим средством, которое участвует в выражении коммуникативной нагрузки, является артикль. Определенный артикль, указывая на то, что существительное обозначает известный для слушающего предмет, тем самым часто характеризует его как данное (ср. указательные местоимения в русском языке). Неопределенный (или нулевой) артикль, указывая на неизвестность предмета, сигнализирует новое, сообщаемое, привлекает внимание именно к данному члену предложения, который и несет на себе, как правило, главное ударение, занимая нередко последнее место в предложении². Ср., например: «Zur gleichen Zeit begann innerhalb der bürgerlichen Parteien eine reaktionäre Umkehr» (Mehring, Deutsche Geschichte) «В это же время в буржуазных партиях начался реакционный поворот».

Наряду с порядком слов и артиклем, в немецком языке для выражения коммуникативной нагрузки членов предложения используются и некоторые другие средства, имеющие более узкую сферу применения.

Говоря о средствах выражения коммуникативной нагрузки членов предложения, следует отметить, что эти же средства находят широкое стилистическое применение в связи с их непосредственно синтаксической функцией. Они могут служить способом эмфатического выделения, особого подчеркивания данного и нового. В этом отношении следует отметить роль эмфатического ударения, особенно характерного для эмоционально окрашенной речи³.

Большие возможности эмфазы в выражении коммуникативного задания представляет порядок слов. И в русском, и в немецком языках (в той или иной степени, повидимому, и в других), наряду с обычным — или, как иногда говорят, «нормальным» — словорасположением по схеме: данное — новое, распространена и другая форма порядка слов, в которой новое предшествует данному. Такое словорасположение называют эмфатическим порядком слов, или инверсией⁴. Таким образом, предложение с одним и тем же коммуникативным заданием может быть оформлено в двух или даже нескольких вариантах, различающихся по силе выражения. Ср., например, такие предложения-синонимы: *Ночью будет дождь* — *Дождь будет ночью*; *Места там красивые* — *Красивые там места*.

В предложениях с эмфатическим порядком слов, поскольку в них местоположение не может быть непосредственным показателем коммуника-

* Подробно особенности немецкого порядка слов в этом плане рассматриваются в указанной выше работе автора настоящей статьи. О возможности выражения при помощи порядка слов смыслового веса членов предложения см. также: Т. В. Строева, О прямом и обратном порядке слов в современном немецком языке, сб. статей «Памяти акад. Л. В. Щербы», Л., ЛГУ, 1951; В. Г. А д м о н и, указ. соч., стр. 365—372.

² Об этой функции артикля см. К. Г. Крушельницкая, Смысловая функция артикля в современном немецком языке, «Труды Военного ин-та иностр. языков», [вып.] 7, 1955.

³ См.: Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 127—128; O. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, Leipzig und Berlin, 1926, стр. 213—214; О. А. Норк, О фразовой интонации в немецком языке, «Труды Военного ин-та иностр. языков», 1953, №№ 3—4.

⁴ Первое название представляется более точным, так как инверсией называют часто также любой обратный порядок слов в его традиционном понимании.

тивной нагрузки члена предложения, особое значение приобретает интонация. Если новое стоит перед данным, оно получает более сильное ударение, чем после данного. В отношении русского языка это можно установить пока только путем слуховых наблюдений, так как нет специальных исследований. Что касается немецкого языка, то это доказано экспериментальным путем¹. Так происходит своеобразное взаимодействие интонации и порядка слов в их стилистическом применении.

Заслуживает внимания то, что в немецком языке эмфатический порядок слов распространен значительно больше, чем в русском, и, как следствие этого, менее «эмфатичен», имеет менее ярко выраженную стилистическую окраску. Это объясняется, на наш взгляд, особенностями грамматического строя немецкого языка, в первую очередь наличием артикля, который может характеризовать член предложения как новое и при постановке его перед данным.

Отметим, что в русском языке эмфатический порядок слов употребляется в более или менее определенных случаях и может иметь разную степень экспрессии. Так, новое чаще всего выносится на первое место, когда оно включает в себя согласуемые определения или количественные числительные (и те и другие часто указывают на неизвестность предмета). Ср. *Важное известие получили мы сегодня* (вряд ли возможна была бы такая инверсия, если бы не было определения); *Два открытия было сделано в течение этого периода*.

Значительно реже имеет место препозиция нового, выраженного существительными без определений; именно поэтому она создает большую экспрессию. Примером может служить следующий отрывок, в котором ярко выраженная эмфатичность словорасположения (препозиция дополнения-нового) в последнем предложении служит единому экспрессивному заданию всего контекста: «Все дремало, все нежилось вокруг; все как будто глядело вверх, вытянувшись, не шевелясь и выжидая... Чего ждала эта теплая, эта не заснувшая ночь? *Звук* ждала она; *живого голоса* ждала эта чуткая тишина — но все молчало» (Тургенев, Три встречи).

С другой стороны, значительно менее экспрессивна, например, препозиция обстоятельств образа действия. Такой порядок слов распространен, думается, потому, что этот член предложения в силу своего значения («признак признака») весьма редко выступает как данное, что исключает возможность двусмысленности. Обычно он входит в состав нового вместе со сказуемым. Если же только обстоятельство образа действия содержит новое, то оно чаще всего занимает последнее место. Ср. *Медленно мы продвигались вперед* (но: *Мы продвигались вперед медленно*).

Таким образом, в основе стилистического употребления порядка слов лежит его конкретная синтаксическая функция выражения коммуникативной нагрузки членов предложения. Тесная связь и переплетение этих двух сторон отнюдь не означают, что их можно отождествлять. Каждая из них имеет свои закономерности, которые и подлежат изучению.

Члены предложения являются составными частями целого, и коммуникативная нагрузка каждого из них существует только по отношению к другим членам. Тем самым оформление каждого члена с точки зрения коммуникативного задания определяет оформление всего предложения в целом. Наглядной иллюстрацией изложенного могут служить некоторые наблюдения над тем, как оформляется предложение в зависимости от коммуникативной нагрузки подлежащего.

Как уже отмечалось, подлежащее и в русском, и в немецком языках

¹ См. К. Б. Карпов, Интонация простого повествовательного предложения в немецком языке. Канд. дисс., М., 1952.

в большинстве случаев является данным в предложении, что обусловлено его основным значением как предмета-носителя признака, выраженного в сказуемом. Но это большинство случаев — не абсолютно и составляет только 65—75%, в зависимости от речевого стиля. В остальных случаях подлежащее выступает как новое (или входит в состав нового). Таким образом, вполне обоснованы выражавшиеся многими лингвистами (А. Х. Востоковым, А. А. Потембей и др.) сомнения в правильности традиционного определения подлежащего как того, о чем говорится в предложении.

Коммуникативная нагрузка подлежащего выражается прежде всего интонацией и порядком слов. Если подлежащее — данное, то в большинстве случаев имеет место прямой порядок слов и подлежащее не несет основного ударения; если подлежащее — новое, то порядок слов обычно обратный и подлежащее получает основное ударение. На первом месте в этом случае стоит член предложения, выступающий как данное. Чаще всего это — обстоятельство времени или места, реже — дополнение или сказуемое. При этом предложение не содержит никакой экспрессивности, что опровергает мнение о наличии экспрессивных оттенков при всяком обратном порядке слов¹. Ср.: *Эту историю рассказал мне Иванов; Вечером состоится концерт. Участвуют артисты оперных театров; «По дороге расположены кордоны, в которых стоят казаки. Между кордонами на выпках находятся часовые» (Л. Толстой, Казаки); «Похороны мы распорядился Маякин» (Горький, Фома Гордеев).*

Напротив, явно экспрессивный характер имеют предложения с подлежащим-новым на первом месте, т. е. с прямым порядком слов. Подлежащее при этом несет эмфатическое ударение. Ср.: *Ночью будет буря — Буря будет ночью; Нашим глазам представилось величественное зрелище — Величественное зрелище представилось нашим глазам; «Чепуха совершенная делается на свете» (Гоголь, Нос).*

В русском языке препозиция подлежащего-нового особенно характерна для эмоционально окрашенной разговорной речи. Ср.: *Самолет летит; Несчастье случилось; Артисты приехали; Замечательная мысль пришла мне в голову.* Если подлежащее-новое выражено именем собственным или местоимением, оно может особо выделяться при помощи усилительных слов в сочетании с эмфатическим порядком слов.

В немецком языке характеристика коммуникативной нагрузки подлежащего, если оно выражено существительным, наряду с порядком слов и интонацией, достигается при помощи артикля: подлежащее-данное употребляется в большинстве случаев с определенным артиклем, подлежащее-новое — с неопределенным (или нулевым). При этом довольно часто имеет место препозиция подлежащего нового, выраженного существительным, особенно в нераспространенных предложениях. В последнем случае наличие так называемой «инверсии» с *es* дает возможность образования синонимичных предложений типа: *Ein Sturm brach aus — Es brach ein Sturm aus* «Буря разразилась — Разразилась буря».

¹ Термины «прямой» и «обратный» порядок слов мы применяем здесь в их традиционном значении, т. е. исходя из местоположения подлежащего по отношению к сказуемому. Иное понимание имеет место в академической «Грамматике русского языка». «Прямым» называется здесь такой порядок слов, когда каждый член предложения занимает обычное для него место, «обратный» является «отступлением от обычного порядка слов» («Грамматика русского языка», т. II, ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 66). К сожалению, при этом не выясняется, что значит «обычное место» члена предложения, чем оно обусловлено. С другой стороны, на наш взгляд, вообще не оправдано исключение из рассмотрения формы порядка слов, отражающей соотношение главных членов предложения независимо от их смыслового веса, т. е. прямого и обратного порядка слов в традиционном смысле.

Выделение подлежащего-нового может быть достигнуто при помощи особой конструкции — придаточного предикативного предложения¹. Ср.: *Peter war es, der mir alles erzählt hat* «Это Петр рассказал мне все».

Итак, коммуникативная нагрузка членов предложения является неотъемлемым элементом значения их и выражается при помощи особых средств языка. Поэтому представляется целесообразным рассматривать ее как особую синтаксическую категорию. Такой вывод дает основание поставить два вопроса: 1) какое место занимает эта категория среди других синтаксических категорий? 2) чем объясняется наличие двух сторон в значении членов предложения?

Ответ на эти вопросы (хотя бы в плане предварительной наметки) мы найдем, если обратимся к тому, что представляет собой предложение. Предложение выражает мысль как сообщение, оно является той языковой формой, в которой мысль одного человека делается достоянием других людей. Выражение мысли в предложении есть прежде всего отражение предметов и явлений объективной действительности, познанных человеком в их связях и отношениях. Это отражение действительности осуществляется через слова и словосочетания, которые выступают в предложении в определенных грамматических формах его членов. Но в предложении не только отражается действительность — в нем обязательно выражается отношение говорящего к этой отражаемой действительности. Познанные факты сообщаются не беспристрастно, не как абстрактные логические суждения; они всегда получают определенную оценку со стороны говорящего. Одним из важнейших моментов этой оценки и является определение и выражение коммуникативного задания сообщения. Об одном и том же реальном факте можно, исходя из разных его сторон, разных компонентов, сделать несколько сообщений, оформленных как разные предложения, которые группируются, однако, вокруг одного стержня — данного факта, чем и объясняется, что они имеют один и тот же лексико-грамматический состав. Поскольку же средства языка, служащие для выражения коммуникативной нагрузки членов предложения, имеют также стилистическое применение, сообщение об одном и том же факте в каждом аспекте может быть оформлено в нескольких вариантах, с разными эмфатическими и жанровыми оттенками.

В каждом конкретном случае, для каждого данного контекста или ситуации один из вариантов будет наилучшим, так как будет не только наиболее точно выражать цель сообщения, но и лучше всего соответствовать функционально-стилевому виду речи и экспрессивной направленности. Таким образом, наличие двух планов в значении членов предложения является непосредственным проявлением того, что в предложении обязательно находят свое выражение две стороны: отражение действительности и отношение говорящего к действительности. Как раз последнее имеет решающее значение для коммуникации и является наиболее характерным признаком предложения, отличающим его от слова и словосочетания.

¹ Эти конструкции, так же как и инверсия с *es*, повидимому, обязаны своим появлением установлению нормы твердофиксированного местоположения сказуемого. В современном языке они компенсируют в известной степени связанные с этой нормой ограничения функции выражения коммуникативного задания порядком слов. В русском языке подобных конструкций нет, в английском же и французском, в связи с более строгими правилами порядка слов, такие конструкции особенно распространены.

Отношение к высказываемому составляет основное содержание общей категории предикативности, в которую входят такие более частные синтаксические категории, как лицо, время и модальность¹. К категории предикативности должна быть отнесена и коммуникативная нагрузка членов предложения (или, говоря иначе, выражение коммуникативного задания).

Как известно, категории времени, модальности, а отчасти и лица, т. е. категории, непосредственно выражающие отношение говорящего к устанавливаемым связям, А. М. Пешковский называл субъективно-объективными категориями, противопоставляя их объективным категориям, выражающим отношения между словами и словосочетаниями (следовательно, предметами и явлениями)². Как субъективно-объективную категорию можно характеризовать и коммуникативную нагрузку, внося некоторые уточнения соответственно ее специфике. Она субъективна, ибо выражает оценку со стороны говорящего, обусловленную осведомленностью слушающего, т. е. отношение к высказываемому участников акта общения. Но самая осведомленность слушающего является объективным фактом, который каждый говорящий должен учитывать, обязательно выражая коммуникативное задание особыми языковыми средствами, иначе он не будет понят. Таким образом, «наиндивидуальный характер субъекта» и здесь остается в силе.

*

Признание коммуникативной нагрузки членов предложения синтаксической категорией приводит к выводу, что она должна занять соответствующее место в изучении синтаксиса конкретных языков. Самые предварительные попытки показывают, что включение этого аспекта в сферу синтаксического исследования оказывается весьма плодотворным, дает возможность более глубоко вникнуть в сущность связанных с ним явлений, увидеть те стороны их, которые оказываются обычно скрытыми, если рассматривать предложение только в плане его формально-грамматической структуры.

В первую очередь это касается порядка слов. Выясняется, что основным принципом словорасположения в языках со свободным порядком слов является расположение их в зависимости от коммуникативной нагрузки. Традиционное различие прямого и обратного порядка слов оказывается недостаточным, ибо оно не дает возможности учитывать именно эту сторону. Различение же таких вариантов порядка слов, как обычный и emphatic, получает большое значение, в том числе в плане стилистической характеристики предложения. Все это создает основу для установления общих правил словорасположения в русском языке, а также в немецком, где принцип расположения слов в зависимости от их нагрузки применим к большинству членов предложения.

В другом свете выступает и такое характерное для западноевропейских языков явление, как категории артикли. Рассматриваемые в плане коммуникативного задания значения определенности-неопределенности оказываются обусловленными с точки зрения слушающего. При этом обнаруживается связь значений определенности-неопределенности с интонацией и порядком слов.

¹ О категории предикативности и отличии предложения от слова и словосочетания см. статью В. В. Виноградова «Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения» (ВЯ, 1954, № 1, стр. 12—18).

² См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 106—110.

Учет аспекта коммуникативного задания может способствовать также правильному решению многих проблем общей теории предложения, в том числе вопроса о членах предложения, в трактовке которых до сих пор так много противоречий и путаницы.

Особое, сугубо практическое значение этот аспект приобретает при изучении неродного языка (русского языка в нерусских школах, иностранных языков). Здесь целеустремленное и правильное выявление и объяснение способов выражения коммуникативной нагрузки в соответствующих языках может дать значительно больший эффект, чем если они познаются, так сказать, интуитивно. Дело в том, что в родном языке все средства, связанные со смысловым членением предложения, усваиваются тем же естественным путем, каким усваивается родной язык вообще. Сама природа этого явления, проявляющегося с естественной необходимостью в непосредственном общении, повидимому, и является причиной того, что оно мало привлекает внимание именно при исследованиях родного языка. Не случайно, например, в русских школьных грамматиках порядок слов не находит достаточно конкретного и полного освещения. Изучение же неродного языка, с неизбежным при этом сравнением его с родным, делает необходимым особое внимание к данному вопросу. В связи с этим следует также подчеркнуть, что учет коммуникативного задания и знание способов его выражения в языках перевода и подлинника имеют большое значение в переводческой практике.